

# Часть 1

## НИ РОДИТЕЛЕЙ, НИ ШКОЛЫ, НИ ПРАВИЛ

### 1

В бескрайнем чистом голубом небе мы одни на сотни миль вокруг. Свобода! Резвись — не хочу! Оседлал воздушную волну — и катись! Вверх — вниз — и снова взлет! Если тебе, мой дорогой читатель, вдруг захочется острых ощущений, настоятельно рекомендую сложить крылья и — у-у-ух! — головой вниз, в свободное падение. Пролетел милую-другую, раскрыл крылья, поймал поток ветра — и качайся себе на здоровье на воздушной подушке, отдыхай. Клянусь, лучше развлечения не найдешь. Потому что лучше не бывает!

Плевать на то, что мы безродные мутанты, плевать на то, что мы в бегах и за нами вечно гоняется всякая нечисть. Зато нам даны крылья и радость полета. Разве не об этом мечтало человечество всю свою историю?

— Ой, смотрите, смотрите! НЛЮ! — кричит Газ.

Молча считаю до десяти. Там, куда он показывает, полная пустота.

— Газзи, шутка стара. Смешно было только первые пятьдесят раз.

В ответ мне слышно его придушенное хихиканье: чувство юмора восьмилетнего мальчишки — явление исключительное, особенное и совершенно необъяснимое. По крайней мере, для меня.

— Макс, а нам еще сколько до Вашингтона лететь? — спрашивает Надж, пристраиваясь ко мне поближе.

— Не знаю точно, но примерно час-полтора.

Надж молчит. По всему видно, она устала. Этот длинный кошмарный день не прошел для нее даром. И почему только для нее? И почему только «этот»? Ничего в этом сегодняшнем дне нет особенного. Обычный кошмарный день в длинной череде таких же длинных кошмарных дней. Если мне теперь выпадет случайно один нормальный, легкий да беззаботный денек, я, наверное, испугаюсь и заподозрю какой-нибудь подвох.

Оборачиваюсь посмотреть, как там моя стая. Игги, Клык и я держимся хорошо. Никаких признаков усталости у нас пока не наблюдается. А вот молодняку потруднее придется. Я совсем не хочу сказать, что они слабаки, или что-нибудь в этом роде. Они все только держись какие выносливые. Особенно по сравнению с такими малосильными хлюпиками, как человеческие детеныши. Но всему есть предел. И, похоже, предел силам наших младшеньких отнюдь не далек.

Так, пора, видно, вкратце обрисовать ситуацию для новеньких. Если ты, дорогой читатель, только что присоединился к нам в наших приключениях и еще с нами как следует не познакомился, позволь представить тебе нашу семью-стаю. Нас шестеро: Ангел, ей шесть лет; Газману — восемь; Игги — четырнадцать, он слепой; Надж — одиннадцать; мне и Клыку по четырнадцать, как и Игги. Мы все выращены — или, можно даже сказать, выведены — в лаборатории генетических исследований, где ученые белохалатники наделили нас крыльями и разными другими, мягко говоря, необычными способностями. Из лаборатории —

мы ее окрестили Школой — мы сбежали. А белохалатники хотят нас вернуть. Очень хотят. И гоняются за нами. Но мы не вернемся. Ни за что!

Перекладываю Тотала в другую руку. Хорошо, что весу в нем всего двадцать фунтов. Он проснулся, но только чтобы пристроиться поудобнее. И снова уютно и сонно засопел. Теперь скажи мне, пожалуйста, мой догадливый читатель, хотела я брать эту собаку? Нет! Нужна она мне была? Тоже нет. Каждый день я недоумеваю, чем нас шестерых, пребывающих в вечных бегах, в следующий раз накормить. А собаку как кормить? Думаешь, я мечтала еще об этой головной боли? Честно скажу — не очень.

— Как мироощущение? — Клык кружит вокруг меня. Его темные крылья не шелохнутся. Он и сам такой. Темный, спокойный, почти неподвижный.

— В каком смысле?

Интересно, что он имеет в виду, мои бесконечные мигрени, сидящий во мне чип с отслеживателем, мой неотвязно меня донимающий внутренний Голос или мои подживающие пулевые раны на плече и на крыле?

— Нельзя ли, браток, поточнее?

— В том смысле, что ты убила Ари.

От его прямоты у меня перехватило дыхание. Только Клык может так. Бац! — и в самое яблочко. Только он знает меня как облупленную. Только он может говорить со мной в открытую.

Когда мы удирали из Института в Нью-Йорке, за нами гнались белохалатники и ирейзеры. Боже сохрани, чтобы нам беспрепятственно откуда-нибудь смотаться! Если ты, дорогой читатель, пока у нас новенький и не знаешь про ирейзеров, объясню тебе, что это полулюди-полуволки. Они-то нас и преследуют с тех самых пор, как мы из Школы сбежали. Ари, один из ирейзеров, — мой вечный враг. В тот раз в Нью-Йорке у нас с ним случилась наша обычная стычка: он на меня кинулся, я от него как могла отбивалась.

Только вдруг оказалось, что я сижу на нем верхом, а шея у него сломана и клонится вбок под каким-то нелепым углом. И мутные глаза постепенно стекленеют.

Это случилось двадцать четыре часа назад.

— Ты же понимаешь, там выбор был простой: или он тебя, или ты его. Я рад, что ты решила вопрос в свою пользу.

В ответ я только глубоко вздыхаю. У ирейзеров, действительно, все просто. Убить им — раз плюнуть. Так что с волками жить — по-волчьи выть. Приходится и самим щепетильность свою поумерить. Но только Ари — случай особый. Я его знала еще маленьким мальчишкой со времен Школы.

Да плюс еще этот душераздирающий вопль Джеба, отца Ари. Вопль, догнавший меня в туннеле и отраженный там каждым камнем:

— Ты убила собственного брата!

## 2

Джеб, конечно, лгун и предатель. Очень может быть, то, что он там орал, — очередное вранье, и он просто пытался побольнее меня достать. Но, с другой стороны, когда он нашел мертвого Ари, я услышала в его крике неподдельные горе и горечь.

И, хотя я его ненавижу и презираю, мне от всего случившегося и тяжело, и больно.

*Ты не могла этого не сделать! Ты предназначена для важнейшего. Никто и ничто не должно встать у тебя на пути. Никто и ничто не должно помешать тебе спасти мир.*

Здрасьте пожалуйста! Опять Голос прорезался. Вот достал со своим спасением мира. От плохо сдерживаемого раздражения я чуть не скрежещу зубами.

— Скажи еще, что, не разбив яйца, не сделать яичницы.

Кстати, если ты, читатель, только что к нам присоединился, забыла предупредить тебя, что у меня в голове си-

дит внутренний Голос. Я имею в виду, посторонний, чуждый мне голос. Уверена, в толковом словаре рядом со словом «псих» вместо объяснения окажется моя фотография. Обычная такая фотка — простенькая иллюстрация моих мутантских «особенностей».

— Хочешь, я его понесу? — кивает Ангел на щенка, пристроившегося у меня на руках.

— Нет, не надо, он не тяжелый. — Тотал весит чуть не половину нашей девочки. Как она его до сих пор тащила, в голове у меня плохо укладывается. — Я его лучше Клыку отдам. Теперь его очередь.

Поднажав немножко, взлетаю повыше. Туда, где Клык, ото всех оторвавшись, парит в гордом одиночестве. Наши крылья сами собой попадают в слаженный отработанный ритм.

— Возьми, понеси пока пса немного, — протягиваю я ему собаку.

Похожий на скотчтерьера, Тотал с минуту поерзал и приостыл у Клыка за пазухой. Попутно лизнул его в нос. Клыка передернуло, и я совсем развеселилась, глядя на его брезгливую физиономию.

Освободившись от своей ноши, припускаю еще быстрее. Радостное возбуждение пересиливает усталость и тяжелое бремя недавних событий. Мы держим путь в новые края. Там мы разыщем родителей. Обязательно разыщем — это я точно знаю. Мы в очередной раз смылись и от белохалатников, и от ирейзеров. От всех наших тюремщиков удрали. Мы все вместе, никто тяжело не ранен. Что мне еще от жизни надо? Да ничего! В данный конкретный момент, каким бы коротким он ни был, я чувствую себя свободной и сильной. Мне дано перевернуть страницу и начать новую историю сначала, с чистого листа.

Как бы это поточнее определить мое состояние? Вот оно — нужное слово: «оптимизм». Оптимизм несмотря ни на что, невзирая ни на какие трудности!